

– предупредили об опасности безапелляционных ценностных предпочтений, притом, что речь не идет об отказе от самобытности или от индивидуально-личностной качественной определенности;

– нашли «антропологическую меру» Сущего, каковой следует признать душевно-сердечное [3].

И это далеко не полный перечень, но уже позволяющий *требовать освоения достижений философской мысли.*

В этом требовании содержится обращение прежде всего к тем, от кого зависит дело воспитания и обучения, данное как важнейший аспект бытия человека. Через организацию образовательного процесса необходимо одухотворять душевно-сердечное, что означает – способствовать раскрытию естественного любовно-сострадательного потенциала человека!

Литература и источники

1. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992.
2. Каравкин, В. И. «Le Coeur a ses raisons» – «Ordo amoris» – душевно-сердечное / В. И. Каравкин // Антология современной русской философии. Том 1. – М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум», 2017. – С. 202–220.
3. Каравкин, В. И. Мера душевно-сердечного / В. И. Каравкин // Евразийское Научное Объединение. – 2018. – № 3 (37). – С. 201–204.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Карпиевич

Человек с момента своего появления на Земле, столкнулся с враждебной для него средой обитания. Наводнения, ливни и тайфуны, ураганы, торнадо, землетрясения и извержения вулканов, лесные и степные пожары – все это сопровождало развитие человеческого общества. То есть человечеству пришлось приспособливаться к выживанию в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС), которые повсеместно возникали в различных уголках планеты. Уже с древности у человека появилась одна из важнейших потребностей, которая обуславливала его существование – потребность в безопасности. Формируя и развивая свой уклад и образ жизни, человек формировал и свою культуру. И именно в процессе эволюции человеческого общества потребность в выживании сформировала новую культуру – культуру безопасности жизнедеятельности. Потребность в этой культуре требовала передачи накопленного опыта из поколения в поколения, а также создания социальных норм, которые должны были регулировать отношения человека и природы, возможность безопасного использования природных сил.

По мере развития человеческого общества отношение к ЧС менялось. Приходило и осознание того, что культура безопасности жизнедеятельности становилась повседневной потребностью. Можно выделить три уровня

формирования этой потребности:

- житейский;
- общественно-бытовой;
- социально-правовой.

Житейский уровень начал формироваться в период первобытнообщинного строя. На житейском уровне люди научились соблюдать простейшие правила при использовании в своих целях тех или иных стихий.

На общественно-бытовом уровне люди стали не только осознавать необходимость соблюдения определенных правил, но и осуществлялась передача накопленного опыта последующим поколениям через обучения. Именно на этом уровне люди стали сознавать потребность в безопасной жизнедеятельности. Здесь же особую роль начинает играть институт религии. Еще в период язычества появились первые мифы, задача которых заключалась в том, чтобы объяснять людям те или иные явления и запрещать действия, которые могут нанести вред обществу. С возникновением и распространением христианства (и других религий) эти правила стали носить сакральный характер.

На социально-правовом уровне нормы и правила общественной жизни получают окончательное социальное одобрения и формулируются в виде правовых актов. С развитием государства эти нормы становятся обязательными, за их несоблюдение следует наказание. В этот период формируются и специальные институты, которые следят за соблюдением правил безопасности и привлекают нарушителей к ответственности. Если брать нашу современную цивилизацию, то можно с уверенностью утверждать, что в основе правил безопасности лежат нормы и правила, которые были разработаны в эпоху римского государства. Римское право оказало существенное влияние на формирование европейской правовой системы, в том числе и в области борьбы с пожарами. Так, уже в римском Законе XII таблиц предусматривалось наказание за поджоги (умышленные и неумышленные).

На русских землях нормы, касающиеся пожаров, уже встречаются в Русской правде. Этот сборник правовых норм Киевской Руси, датированный различными годами, начиная с 1016 г., известен в списках XIII–XV и более поздних веков. В п. 83 указывалось, что «если кто подожжет гумно, то выдается головою князю со всем имением, из коего наперед вознаграждается убыток хозяина, остальным располагает по своей воле князь, так же поступать и с тем, кто двор подожжет».

На белорусских землях в период ВКЛ и Речи Посполитой большое влияние на формирование правовых норм и правил по борьбе с пожарами оказало распространение магдебургского права. На магистраты, которые создавались в городах, возлагалась ответственность за борьбу с пожарами и другими бедствиями. В Радзивилловской летописи (в списке XV в.) имеется миниатюра, которая демонстрирует тушение пожара. На ней изображены работающие баграми на разборе горящего дома мужчины, и женщина,

заливающая пламя водой из ведра.

Огромное влияние на формирование представления о безопасности жителей и защиты их от пожаров было сделано крупнейшим представителем Польского Возрождения Анджеем Фрыч-Моджевским. В 1551 г. им был опубликован в Кракове труд «Об исправлении государства», в котором автор разработал правила «Об избежании пожаров и их тушении» (часть II, раздел XIII). Этот труд получил широкое распространение не только в Польше, но и в Великом Княжестве Литовском, оказав в дальнейшем огромное влияние на развитие противопожарной охраны белорусских городов. В 1577 г. в местечке Лоск был издан перевод трактата на польском языке. Взгляд Фрич-Моджевского на организацию пожарной безопасности был в те времена по сути революционным, т. к. использование всех предложенных Фрич-Моджевским правил в повседневной жизни могло существенно снизить ущерб от пожаров в масштабах всего государства.

Идеи Фрич-Моджевского были взяты за основу «огненных порядков» – сводов обязательных постановлений по правилам пожарной безопасности, которые магнаты и городские самоуправления городов с магдебургским правом активно внедряли в жизнь. Радзивиллы были одними из первых, кто реализовал данные идеи. В их имениях и городах был предусмотрен комплекс противопожарных правил. На сегодняшний день хорошо известны «огненные порядки» Слуцка, принятые по указанию Богуслава Радзивилла городским магистратом 15 мая 1655 г. В соответствии с ними для каждого дома был определен вид и количество пожарного инвентаря.

Подобного рода «огненные порядки» на протяжении столетия были приняты и в других белорусских городах. В одних населенных пунктах стражников нанимали из городских доходов, в других – возлагали их функции на всех жителей по очереди. Несмотря на все особенности, основные нормы и положения «огненных порядков» оставались неизменными, и составили основу пожарной безопасности того времени, впитав в себя как нормы магдебургского права, так и всевозможных рекомендаций об избегании пожаров и их тушении.

Документы, относящиеся к истории белорусских городов, сохранили упоминания о многочисленных пожарах. Белорусские города были сплошь деревянные, дома строились близко друг от друга. Рядом находились и хозяйственные постройки. Власти, осознавая всю опасность такого устройства городов, стали принимать решения об организации городского строительства. Так, известны самые крупные пожары в Минске: в 1084, 1547, 1698, 1762, 1812, 1835, 1865, 1881 гг. Кроме них ежегодно возникали десятки мелких пожаров и возгораний.

После революции в России 1917 г. произошли значительные изменения в системе обеспечения пожарной безопасности. 17 апреля 1918 г. был подписан Декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем», в котором были заложены основы советской пожарной охраны, учрежден центральный орган управления – Пожарный Совет при ВЦИК. Постепенно стала создаваться государственная структура по борьбе с пожарами и

другими ЧС.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРЫ

И. М. Клецкова

Отношение к философскому знанию в современных гуманитарных науках имеет двойственный характер. С одной стороны, выработанное веками трепетное почитание философии, отдающее дань особому характеру философского познания. С другой стороны, часто декларируемая избыточность философии по отношению к современному социогуманитарному знанию. Как нам видится, философия обладает несомненным эвристическим потенциалом по отношению к исследованию феноменов культуры. При всем разнообразии подходов, сложившихся в европейской философии и смежных с ней отраслях знания, можно выделить несколько этапов исследования культуры (которая может быть понята и как некоторая целостность, и как локальные формы и практики). При этом вполне легитимным является обращение к философской методологии как в рамках антропологического подхода к пониманию культуры, так при использовании аксиологической интерпретации культурной динамики. Предметное поле, связанное с изучением культуры, формировалось в понимании *единства* культуры, реализующегося в *разнообразии* культурных практик.

Европейская философская традиция преодолевает изначальный уровень *интуитивной очевидности*, свойственный любому носителю культурного опыта, которая выражается в признании «естественности» культурных практик, в которые погружен субъект культуры. Она выводит любого исследователя на совершенно иной уровень понимания процессов, происходящих в культуре, позволяет перейти от уровня эмпирической культурологии к уровню объяснения и прогнозирования происходящего в культуре. Обращение к европейской философской традиции позволяет реконструировать те большие объяснительные модели, которые явились методологическим основанием для формирования исторически сложившихся и востребованных в сегодняшнем гуманитарном дискурсе подходов. Эти подходы, в равной степени, касаются исследований феномена культуры, понимаемой как некоторая целостность, так и при обращении к отдельным областям современных культурных исследований, которые закрепились под английским названием «cases».

В процессе своего становления науки о культуре формируются как поле междисциплинарных исследований. Попытки представить мир культуры и человека в нем как некоторую целостную универсальную объяснительную модель невозможны без обращения к философии. Благодаря философии в европейской гуманитарной традиции, начиная еще с античности, складываются *объяснительные модели* культуры, но в